

Саяно-Шушенской ГЭС образовался дефицит электроэнергии в Сибири. Переброшенная с Братской ГЭС электроэнергия не допустила остановки технологического цикла на алюминиевых заводах Хакасии и Кузбасса.

Таким образом, энергия Братской ГЭС будет особо востребована в условиях грядущего энергодефицита. Сроки окончания строительства Богучанской ГЭС при продолжающемся экономическом кризисе становятся неясными. Достройка этой ГЭС на основе частно-государственного партнерства дает сбой. Братскую ГЭС строило государство, а как строить подобные объекты в современных условиях — никто не знает. За последние два десятилетия большие гидроэлектростанции не строились, что обернулось потерей строительного, технологического опыта. Нынешней России уже не по силам построить вторую Братскую ГЭС. Все отмеченные рекорды заложены подвигом советского народа в XX в.

А.В. ШАЛАК

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ, ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ (1945–1949 гг.)

Из всех групп населения, находящихся на территории Иркутской области в 1940-е гг., наименее изученными являются условия жизни «спецпоселенцев» (в основном раскулаченные), «спецпереселенцев» (переселенные народы, «власовцы», «оуновцы» и пр.), а также военнопленных. Документы, имеющие отношение к этим группам населения, проходили под грифом «Сов. секретно» и стали доступны исследователям совсем недавно. Несмотря на то, что по данной теме подготовлено и защищено несколько диссертаций, проблема является далеко не исчерпанной. Только в 2006 г. были впервые опубликованы рассекреченные архивные документы и материалы из фондов российского государственного военного архива об итогах деятельности региональных структур Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД МВД СССР по Восточно-Сибирскому экономическому району (*Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1945: Отчетно-информационные документы / под ред. М.М. Загоруйко. Волгоград. 2006*). В книге содержатся отчеты, обзоры, докладные записки, справки и истории лагерей отделов по делам военнопленных и интернированных Читинской и Иркутской областей и Красноярского края. Публикуемые сведения по итогам деятельности лагерей содержат обобщенную информацию о динамике численности, условиях содержания, медицинском обслуживании, а также вкладе японских военнопленных в производственный по-

тенциал Иркутской области. Эта информация представлена в итоговом докладе начальника УМВД по Иркутской области и начальника отдела по делам военнопленных и интернированных Управления области за период с 1945 по 1949 г. Итоговая информация о медико-санитарном обслуживании военнопленных содержится в докладе о работе медицинской службы лагерей для военнопленных Иркутской области за этот же период (*Подлинники этих документов хранятся в РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 76. Л. 44–65; Ф. 22 п. Оп. 6. Д. 32. Л. 17–38*).

Интерпретация опубликованных данных в рамках уже накопленных сведений о нахождении японских военнопленных на территории Восточной Сибири и, в частности, в Иркутской области не теряет своей научной актуальности. Очень многие аспекты этой проблемы требуют более тщательного изучения и более объективных и выверенных оценок.

В соответствии с решением ГОКО от 23 августа 1945 г. за № 9498 в Иркутскую область для работы в промышленных предприятиях по добыче угля, на строительство МПС и МВС было запланировано отправить 50 тыс. военнопленных японцев. Однако в связи с развертыванием строительства Байкало-Амурской магистрали на участке Тайшет–Братск и разработкой каменного угля Ново-Гришевского разреза треста «Черемховшахтстрой» ввоз военнопленных на территорию Иркутской области увеличили более чем в два раза — до 105 тыс. чел. Однако фактически военнопленных было отправлено только на 18 088 больше первоначально планируемой цифры. То есть фактический завоз японских военнопленных не превысил 65% от плановых цифр. В итоговых документах не объясняются столь существенные корректировки от планируемых показателей.

Таблица 1

Поступление японских военнопленных в лагеря Иркутской области

Наименование	Лагеря					Всего
	№ 7 (Тайшет)	№ 8 (Ново-Гришево)	№ 31 (Черемхово)	№ 32 (Иркутск)	Раб. батальоны	
План	45 000	10 000	15 000	24 000	11 000	105 000
Факт	39 086	1 445	8 875	14 494	4 188	68 088

Изменения произошли и в структуре лагерей. Уже в марте 1946 г. из-за тяжелых условий проживания был расформирован лагерь № 8, а военнопленные переданы в лагерь № 31, который дислоцировался также в г. Черемхово. Однако через год с небольшим был ликвидирован и этот лагерь. К середине 1947 г. в связи с двумя этапами репатриации японских военнослужащих, в ходе которых отправили из лагерей 18 238 нетрудоспособных военнопленных, в оставшихся трех отделениях лагеря № 31 пребывало 4 037 чел. В июне 1947 г. они были переданы в лагерь № 32. Таким образом, по состоянию на 1 июля 1947 г. в Иркутской области дислоцировалось 2 лагеря военнопленных: лагерь № 7 — при Ангарском ИТЛ и лагерь № 32.

Военнопленные лагеря № 32 были размещены в 17 отделениях, из которых 14 дислоцировались в г. Иркутске и пригороде и три отделения на ст. Усолье, Суховская и г. Слюдянка. В Иркутске для содержания военнопленных были построены бараки каркасно-засыпного типа и созданы лагерные зоны на берегу речки Ушаковки, возле завода имени В.В. Куйбышева, в районе пади Каштак, около каменоломен, в Рабочем предместье, в предместье Глазково и пос. Ленино. На заводе В.В. Куйбышева для содержания военнопленных под казарму переоборудовали склад. Первые эшелоны с военнопленными стали приходить в Иркутск в конце ноября 1945 г. Прибывшие военнопленные были направлены в распоряжение командования Восточно-Сибирского военного округа, Управления Восточно-Сибирской железной дороги, заводов им. В. Куйбышева, им. И. Сталина, на объекты промышленного и гражданского строительства, коммунального хозяйства. Для работы на заводах отбирались военнопленные, имеющие рабочие профессии (*Летопись г. Иркутска. 1941–1991 гг. Иркутск, 2010. С. 91–93*). Наиболее трудной для военнопленных этого лагеря оказалась зима 1945–1946 г. В среднем норма жилплощади на одного военнопленного не превышала 1,3 м² (при установленной норме 3 м²). Уже 1 февраля 1946 г. из-за невозможности проживания в зимних условиях было закрыто лагерное отделение № 9 при Больше-Речинском механизированном лесном пункте. 16 марта 1946 г. по этим же причинам были закрыты лагерное отделение № 19 (контингент военнопленных передан строительной конторе Восточно-Сибирской дороги на ст. Слюдянка), а также три лагерных отделения треста «Востсиблес».

В зиму 1946–1947 гг. отделения лагеря № 32 вступили вполне подготовленными. Во всех жилых помещениях был проведен ремонт, оборудованы сушилки, умывальные комнаты, мастерские по ремонту обмундирования и обуви. Несколько увеличилась и норма жилой площади на одного военнопленного, которая составила 1,8 м².

В связи с репатриацией в середине 1947 г. из лагеря выбыло 40% военнопленных, поэтому оставшихся разместили в наиболее подготовленных лагерных отделениях. Норма жилплощади на одного человека была доведена до 2,5 м². В последнюю зиму (1948–1949 г.) в лагере оставалось чуть более четырех тыс. военнопленных, которых сосредоточили в трех лагерных отделениях, наиболее подготовленных к зимним условиям.

Военнопленные лагеря № 7 оказались в гораздо более трудных условиях. Этот лагерь с дислокацией в г. Тайшете создавался для использования пленных японцев на строительстве железной дороги Тайшет-Братск. К моменту поступления военнопленных штаты управления лагеря укомплектованы не были, поэтому приемом и размещением прибывающих военнопленных занимались работники управления «Тайшетстрой». Фактически управление лагеря № 7 со всеми службами фор-

мально начало функционировать только с начала 1946 г., когда прием и расселение военнопленных были закончены. Начальник управления «Тайшетстрой» одновременно являлся и начальником управления лагеря. Поскольку на строительстве помимо японских военнопленных работало значительное количество заключенных, то выдержать какие-либо нормы по вопросам содержания военнопленных было невозможно. Фактическое их положение мало чем отличалось от других заключенных. В июле 1946 г. управление лагеря № 7, которое, по сути, и не приступало к работе, было расформировано, и контингент военнопленных перешел в непосредственное использование управления «Тайшетстрой», а затем управления Ангарского ИТЛ МВД СССР.

К началу 1946 г. 39 086 военнопленных японцев лагеря № 7 разместили в 19 лагерных отделениях по трассе строящейся железной дороги от ст. Тайшет до ст. Невельская. Первоначальным планом предусматривалось разместить военнопленных в 24 лагерных отделениях, однако в шести лагерных отделениях условий для проживания зимой создано не было, поэтому размещать там военнопленных не стали.

Жилой фонд, где размещались военнопленные, состоял из деревянных типовых бараков, в которых до этого находился контингент заключенных «Тайшетстрой». Помимо этого еще 15 тыс. военнопленных разместили в утепленных палатках. Таких палаток насчитывалось 360 и, в среднем, в одной палатке размещалось по 40 чел. Как бараки, так и палатки освещались керосиновыми лампами и коптилками, электрический свет имелся только в пяти отделениях. В большинстве случаев окна из-за отсутствия стекла были заделаны фанерой, досками и слюдой, печи не отремонтированы, в бараках, а также в палатках не оборудованы тамбуры, в помещениях было грязно и холодно, необходимого запаса топлива не имелось. Отсутствовали бани, прачечные, сушилки и умывальные комнаты, закрытых туалетов не было во всех лагерных отделениях. Жилой площади на одного военнопленного приходилось не более 1,3 м². Не удалось нормализовать ситуацию и в течение 1946 г., несмотря на дополнительное жилищное строительство и создание новых лагерных городков по мере продвижения строящейся железной дороги на восток. Только в связи с частичной репатриацией военнопленных норму жилой площади на одного военнопленного удалось поднять до 1,8 м². Однако в двух лагерных отделениях часть военнопленных по-прежнему проживала в палатках. Лишь в конце декабря 1947 г. военнопленных удалось поселить в стандартные деревянные бараки. Однако именно в это время на строительство БАМа прибывает новый значительный контингент заключенных. Для их размещения освободили 7 лагерных отделений, а японских военнопленных перевели в другие. Нары вагонного типа в них пришлось срочно переделывать на сплошные, норма жилплощади вновь сократилась до 1,5 м² на одного военнопленного.

С началом массовой репатриации в 1948 г. жилищно-бытовые условия военнопленных начали улучшаться. К середине 1948 г. норма жилой площади на одного военнопленного уже составляла 2 м², а к концу 1948 г. по отдельным лагерным отделениям доходила до 3 м², т.е. приблизилась к установленной норме. Только зиму 1948–1949 гг. военнопленные провели в сносных условиях, жилые и служебно-хозяйственные помещения были отремонтированы и утеплены, имелся двухмесячный запас топлива.

Питание военнопленных было однообразным, отсутствовали овощи, рис, животные жиры. Постоянными были перебои с мукой, поэтому хлеб выпекался из кукурузной и гаоляновой муки, мясо заменялось яичным порошком и рыбой, дополнительного питания не выдавалось. Изыскать необходимые продукты было непросто. Первые послевоенные годы оказались наиболее тяжелыми для выживания и местного населения, большая часть которого жила впроголодь. Поэтому изыскать продовольствие на стороне было нелегким делом. Продовольственная проблема усугублялась отсутствием необходимого транспорта. Завозить продукты в лагерные отделения, разбросанные на огромных расстояниях, было совсем не простым делом. Значительная часть автомобилей, поступивших вместе с эшелонами военнопленных, оказалась непригодной к эксплуатации. Например, в лагерь № 32 поступило 35 автомашин. Однако половина из них оказалась разукomплектованной, причем часть машин отремонтировать было невозможно. Поэтому лагеря обслуживались первоначально гужевым транспортом или транспортом других организаций на основе договорных обязательств.

Уже в ноябре 1945 г. создалось напряженное положение со снабжением военнопленных продовольствием. Положенного двухмесячного запаса продовольствия прибывающие военнопленных не имели, так как часть его не была выдана на месте формирования эшелонов, а часть разворована в пути следования. Организовать дополнительное питание для больных и дистрофиков в лагерях с самого начала их комплектования не представлялось возможным. Все это привело к резкому снижению физического состояния военнопленных уже в процессе формирования лагерных отделений. Лишь в феврале 1946 г. наиболее истощенных военнопленных лагеря № 7 удалось перевести в специально развернутое «оздоровительное» лагерное отделение с улучшенным питанием и освобождением от всех работ.

Весной 1946 г. пищеблоки лагерных отделений обеспечили в достаточном количестве посудой и кухонным инвентарем. Улучшилось и качество питания. Однако перебоев в снабжении продовольствием избежать не удалось. Особенно критической ситуация в лагере № 7 сложилась в конце 1947 г., когда из-за тяжелого финансового положения в Ангарском ИТЛ в течение полутора месяцев не могли получить продовольствие. В какой-то степени помогали решать эти проблемы дополнительные ис-

точники питания. В летний период в каждом лагерном отделении производилась заготовка черемши, ягоды, грибов, которые употреблялись в пищу как дополнительное питание. Только в 1949 г., когда уже основная масса военнопленных была репатриирована, продовольственное снабжение шло более-менее нормально.

Основная масса военнопленных использовалась круглый год на открытых земляных и лесозаготовительных работах, поэтому обмундирование и обувь, поступившие с военнопленными, из-за отсутствия спецодежды, быстро изнашивались. Починочные мастерские ремонт одежды и обуви производили списанным утильным имуществом. После такого ремонта обмундирование могло находиться в носке не более месяца. Проведенной в лагере № 7 в августе 1947 г. проверкой было установлено, что до 50% вещевого имущества и обуви является непригодным к носке, теплыми вещами военнопленные были обеспечены на 70%, постельными принадлежностями — на 60%. Эти проблемы удалось решить только к зиме 1947–1948 гг.

Проблемы в снабжении и питании во многом были обусловлены тем, что после расформирования управления лагеря № 7 в 1946 г. отдельный учет вещевого и продовольственного снабжения военнопленных и заключенных не велся. Поэтому значительное количество вещевого имущества, получаемого для снабжения военнопленных, шло на покрытие недостающей потребности других заключенных, которые также находились в тяжелом положении. Ситуация усугублялась тяжелым финансовым положением Ангарского ИТЛ, что не позволяло своевременно выбирать спущенные фонды. По этой причине в зиму 1948–1949 гг. военнопленные лагеря № 32 остались без теплой обуви, она была получена только в марте 1949 г. Чтобы хоть как-то решить эту проблему, за счет внутренних ресурсов в лагере организовали пошивку примитивной обуви.

Военнопленные, репатриированные в 1946–1947 гг., отправлялись из лагерей в брезентовой обуви на деревянной подошве и в совершенно ветхом обмундировании. Только в 1949 г. репатриированные обеспечивались новым обмундированием, обувью и бельем.

Для медико-санитарного обслуживания военнопленных лагеря № 7 был развернут специальный госпиталь №3370 с лимитом на тысячу коек, который в начале 1946 г. дислоцировался в Н. Удачном, в 13 км от ст. Невельская. По мере удаления военнопленных по трассе строящейся железной дороги на восток, госпиталь был передислоцирован на 178 км трассы (ст. Чукша), где функционировал до момента расформирования.

Процесс становления медицинского обслуживания шел параллельно с обустройством лагерей. Лечебная сеть лагерей, амбулатории и стационары в санитарных частях не имели соответствующих помещений, кадры из Министерства Вооруженных Сил только начинали поступать. Не было и навыков работы с трофейным медицинским оборудованием, которое завезли вместе с военнопленными. Проблема усугублялась и тем, что ме-

дицинский персонал в основном состоял из среднего звена и в силу этого не имел ни достаточного опыта, ни квалификации. При этом основной объем работы медицинской службы пришелся именно на конец 1945 г.

Лечебная сеть лагерей МВД № 32 и № 7 состояла из амбулаторий, стационаров при санчастях. Центральные лазареты, положенные по штатам, в лагерях из-за отсутствия надлежащих помещений полностью не развертывались. Лазарет в лагере № 32 был развернут только в феврале 1947 г. на 100 коек в г. Иркутске. В том же году его сократили до 50 коек. В 1948 г. это отделение перевели в городскую инфекционную больницу и сократили до 30 коек. В таком виде отделение просуществовало до конца 1948 г. и обслуживало только инфекционных больных. Лазарет в лагере №7 вообще не развертывался.

Все амбулатории и лагерные стационары в последующем были размещены в отдельных помещениях, имели, как правило, небольшие хирургические и терапевтические кабинеты со стационарами.

Для отделений Черемховского куста во время существования лагеря № 31 был создан и развернут самостоятельный лазарет с хирургическим и терапевтическим отделениями для оказания экстренной помощи. Лагерные отделения г. Иркутска в основном обслуживались специальным госпиталем № 1218 (на 200 коек по инфекционному профилю). Он был создан на базе эвакогоспиталя на ул. Баррикад (здание школы № 8), только его территорию обнесли деревянным забором с колючей проволокой, а на углах поставили смотровые вышки (*Летопись г. Иркутска. 1941–1991 гг. С. 91*). После его расформирования военнопленные обслуживались в госпитале № 1942, расположенном в г. Зима, а также гражданскими городскими лечебными учреждениями. К лечебной работе в лагерях широко привлекался медицинский состав из военнопленных.

Уровень медицинского обслуживания в санчастях зависел от укомплектованности врачебным составом, его специализации, возможности получить консультативную помощь от врачей гражданских учреждений. В лагере № 32, располагавшемся в основном в районе г. Иркутска, эта работа была организована значительно лучше. Госпитальная помощь военнопленным лагеря № 7 полностью проводилась в спецгоспитале № 3370.

Сложные санитарно-эпидемиологические условия привели к вспышке сыпного тифа. В лагере № 31 она началась в ноябре 1945 г., в лагере № 7 — в январе 1946 г., в лагере № 32 — в феврале 1946 г. Скудность военнопленных, неблагоустроенность быта, отсутствие бань, дезокамер, недостатки в организации медицинского обслуживания, дефицит медицинских кадров, соответствующего оборудования медицинских препаратов привели к тому, инфекция сыпного тифа охватила весь контингент лагерных отделений, где имелись заболевшие. Полностью заболевания желудочно-кишечной группы были ликвидированы в лагере № 32 в 1946 г., а в лагере № 7 только в 1948 г.

Таблица 2

**Количество коечных больных в лагерях
для военнопленных Иркутской области в 1946–1949 гг., %**

Лагерь	1946	1947	1948	1949
№ 32	3	1	0,7	0,6
№ 7	6	21	11	5

Из приведенных данных видно, что удельный вес количества коечных больных в лагере № 7 во много раз превосходил аналогичный показатель в лагере № 32. Если в лагере № 32 этот показатель неуклонно снижался и в 1949 г. удельный вес коечных больных в пять раз был ниже уровня 1946 г., то по лагерю № 7 в 1947 г. каждый пятый военнопленный являлся коечным больным, и даже в 1949 г., ситуация, по сути, оставалась на уровне 1946 г.

Основной причиной смертности в лагерях являлись такие заболевания как дистрофия, сыпной тиф и туберкулез. На каждого военнопленного в подразделениях велась карточная документация с указанием категории трудоспособности. В лагере № 32 наряду с общими показаниями к отнесению в группы применялась антропометрия, взвешивание военнопленных и определение физического индекса. Все переводимые в низшие категории использовались в соответствии с их объективным состоянием в качестве лагерной obsługi или содержались в оздоровительных командах до улучшения их состояния. Всего с момента организации оздоровительных команд в лагере № 32 прошло 4 226 чел., в лагере № 7 — 12 105 чел. В оздоровительных командах питание военнопленных было организовано по нормам для туберкулезных больных. Пища готовилась на отдельных кухнях, из улучшенных продуктов. Широко применялось общеукрепляющее медикаментозное лечение (глюкоза, хлористый кальций, аскорбиновая кислота, различные витаминные препараты, рыбий жир, гематоген, дрожжи, алкогольные напитки). В период 1946–1947 гг. все ослабленные военнопленные использовались в зимнее время на работах в закрытых помещениях, со сниженным рабочим днем, а в зимний период 1945–1946 гг. все военнопленные целиком освобождались от работ в течение двух–трех месяцев. Эти мероприятия способствовали улучшению физического состояния контингента и стабилизировали его в последующие годы.

В целях стимулирования производственных показателей военнопленных, а также сохранению их физического состояния с мая 1947 г. в лагерях были созданы комнаты отдыха для военнопленных, куда направлялись перевыполняющие производственные нормы и нуждающиеся в кратковременном отдыхе военнопленные на срок от пяти до десяти дней. Всего через комнаты отдыха в лагере № 32 прошло 548 чел., в лагере № 7 — 1150.

В итоговых докладах начальников лагерей приводятся данные обшей смертности среди японских военнопленных. В докладе старшего помощника начальника первого отделения ОПВИ майора Зимина приводятся данные о количестве умерших военнопленных за 1946–1949 гг. Опираясь на эти данные и уточнив количество умерших по лагерю № 32, можно рассчитать динамику смертности по лагерям военнопленных за весь период пребывания их на территории Иркутской области.

Таблица 3

**Общая смертность по лагерям японских военнопленных
(1945–1949 гг.)**

<i>Лагерь</i>	<i>1945</i>	<i>1946</i>	<i>1947</i>	<i>1948</i>	<i>1949</i>	<i>Всего</i>
№ 7	655	1 160	162	10	2	1 989
№ 32	80	256	12	5	6	359
<i>Всего</i>	735	1 416	174	15	8	2 348

Из приведенных данных видно, что основной всплеск смертности пришелся на конец 1945 и 1946 гг. Количество умерших за это время составили 91,4% к общему количеству смертей среди военнопленных до конца их репатриации с территории Иркутской области. Причина такой высокой смертности в этот период не только тяжелые социально-бытовые условия. Контингент военнопленных прибыл уже физически ослабленным, педиормией (завшивленность) был охвачен поголовно весь контингент военнопленных, что и спровоцировало вспышку сыпного тифа. Многие военнопленные при передаче в лагеря уже страдали различными кишечно-желудочными заболеваниями, которые стали источником заболевания брюшным тифом и дизентерией. Бытовая неблагоустроенность лагерей, скученность военнопленных только способствовали распространению инфекционных заболеваний и высокой смертности. Резкое снижение показателя смертности в последующие годы было связано не столько с улучшением их санитарно-бытового положения, сколько с тем, что наиболее ослабленные и больные военнопленные были репатриированы из области весной 1946 г. и в апреле-мае 1947 г. Если считать, что данные по смертности отражают только движение военнопленных по лагерям, без учета отдельных батальонов, то в целом удельный вес количества умерших в лагерях Иркутской области японских военнопленных составил 3,9%. В течение 1948–1949 гг. показатели смертности среди военнопленных были сведены практически к нулю. По отношению к общей численности военнопленных на данный период удельный вес количества смертей не превышал 0,1%. Этот показатель среди местного населения области в 1947–1949 гг. был, в среднем в 6,5 раз выше (рассчитано по: Шалак А.В. *Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.)*. Иркутск, 2000. С. 321–322, 345). Отметим, что данное сравнение является не совсем корректным,

поскольку не учитывает возрастные, половые и пр. различия, однако оно свидетельствует, что условия жизни японских военнопленных в это время являлись вполне оптимальными для того времени.

Условия содержания не могли отразиться на трудовом использовании военнопленных, особенно в первые два года их пребывания на территории области. До начала 1946 г. в связи с неподготовленностью жилых помещений военнопленные использовались на работах по оборудованию зон, ремонту жилых и служебно-хозяйственных помещений. Только с декабря 1945 г. начался вывод отдельных групп военнопленных на работы, в основном на лесоповал и заготовку дров.

Трудовое использование военнопленных за все время существования лагерей характеризуется данными табл. 4 и 5.

Таблица 4

Трудовое использование военнопленных лагеря № 7 (1946–1949 гг.)

Год	Трудоспособные	% к списочному составу	Выход на работу	% к трудоспособным	Средняя производительность труда за год, %	Средняя заработная плата на человека в день, р.
1946	29 651	84,0	20 508	70,0	75,5	6-70
1947	21 228	82,0	16 710	81,0	82,0	10-47
1948	13 580	90,9	11 465	87,0	100,5	11-10
1949 (7 мес.)	9 327	93,2	7 840	87,7	120,0	13-70

Таблица 5

Трудовое использование военнопленных лагеря № 32 (1946–1949 гг.)

Год	Трудоспособные	% к списочному составу	Выход на работы	% к трудовому фонду	Производительность труда, %	Средняя заработная плата на человека в день, р.
1946	11 044	88,0	9 117	81,2	80,8	8-31
1947	9 187	90,0	8 187	82,4	93,7	13-53
1948	6 256	95,0	5 455	85,0	107,0	17-00
1949	3 904	97,5 (за 8 мес.)	3 417	89,8	123,0	21-60

По отношению к списочному составу трудовой фонд ежегодно возрастал и в 1949 г. удельный вес нетрудоспособных составлял всего 6,8%. При этом значительная часть трудоспособных (12,3%) была занята на работах внутри лагерей. В соответствии с указаниями ГУПВИ МВД СССР вывод военнопленных на работы хозоргана должен быть не менее 85,0% к трудовому фонду. Однако лишь после отправки ослабленных и больных военнопленных удалось выйти на эти требования, а также плановые показатели производительности труда.

Основная масса работающих военнопленных использовалась на земляных работах (до 50%) и на лесозаготовительных, где отсутство-

вала даже самая примитивная механизация, все работы вплоть до трелевки леса на расстоянии до четырех км производились вручную. Технически грамотных, опытных специалистов, которые бы могли правильно организовать и использовать рабочую силу, не имелось. Необходимый фронт работ своевременно не подготавливался, поэтому, по данным лагерного начальства, излишки рабочей силы в 1947 г. составляли 32%. В результате, в 1947 г. только 40% военнопленных выполняли установленные нормы, а в 1948 г. 70%. Лишь по итогам 1949 г. удельный вес военнопленных, не выполняющих нормы, сократилось до 7%.

В целом за весь период существования лагеря № 7 расходы на содержание военнопленных превышали доходы от их деятельности. Самокупаемость лагеря по годам характеризуется следующими данными: 1946 г. — 60,0%; 1947 г. — 63,0%; 1948 — 71%; 1949 г. — 86%. Только семь лагерных отделений (№ 11, 12, 13, 27, 38, 39, 41) со второй половины 1948 г. и на протяжении 1949 г. обеспечили рентабельную работу своих подразделений. Ежегодно лагерь нуждался в значительной дотации от государства на покрытие расходов по содержанию военнопленных.

Несколько лучшими являлись показатели лагеря № 32. Начиная с 1948 г., лагерь работал в основном рентабельно. Финансово-производственный план на первое полугодие 1949 г. по лагерю определялся в сумме 8 810 тыс. р., фактическое выполнение составляло 11 725 тыс. р., или 133,0%. Только сумма премиальных вознаграждений военнопленным на руки за 1949 г. составила 685 тыс. р. В счет старой задолженности по дотациям управление лагерем перечислило 6 075 тыс. р., тем не менее по состоянию на 1 сентября 1949 г. лагерь имел свыше 4 млн р. сверхплановых накоплений.

Какой-либо жесткой охраны военнопленных не было. Лагерные отделения были огорожены проволочным или деревянным забором, как правило, без вышек, освещения и сигнализации. Не было даже предупредительных таблиц на японском и русском языках. Военнопленные выводились на объекты работ без конвоя или же выдавались под расписку вольнонаемному техперсоналу. В отдельных отделениях производилось даже расконвоирование военнопленных. Из итоговой справки о работе лагерей явствует, что количество отделений постоянно менялось. По трассе стоящейся железной дороги Тайшет–Братск в отдельные периоды развертывалось до 40 лагерных отделений, а штатным расписанием предусматривалось охрана только девяти. Поэтому обеспечить требуемый режим охраны в лагерных отделениях таким количеством конвойных войск не представлялось возможным.

Несмотря на тяжелые условия содержания, побеги военнопленных из лагеря носили редкий характер. За весь период существования лагеря № 7 с 1945 по 1949 г. военнопленными было произведено 34 побега. Из них 28 побегов ликвидировано местными оперативными группами

и бригадами содействия. Бригады содействия были созданы в 24 населенных пунктах в районах расположения лагерных отделений, и они оказывали активное участие в ликвидации побегов военнопленных. На момент ликвидации лагеря шесть японских военнопленных числились в бегах. Из лагеря № 32 бежало 14 человек, и все попытки оказались безуспешными. Здесь по местным населенным пунктам было создано 62 бригады содействия, в которых состояло почти 400 чел.

С 20 января 1949 г. лагерь полностью перешел на вахтерскую охрану военнопленных. Из солдат 428 конвойного полка были созданы вахтерские команды, численность которых на одно лагерное отделение составляла 8–15 чел., в зависимости от наличия контингента. На работах выставлялись посты по периметру производственных объектов. Охранять каждую бригаду не представлялось возможным в силу их большого количества. В г. Иркутске на свои объекты военнопленные приходили строем, под командованием японского офицера и в сопровождении двух солдат Советской армии (*Летопись г. Иркутска. 1941–1991 гг. С. 98*).

Таблица 6

Движение военнопленных по лагерям за 1945–1949 гг.

Номер лагеря	Движение военнопленных					
	Отправлены в Северную Корею	Переданы органам репатриации	Переданы в другие лагеря и спецгоспитали	Числились сбежавшими	Умерли	Всего
№ 7	1 966	34 805	2 280	6	1 989	41 051
№ 32	481	17 610	606	–	359	19 056
<i>Всего</i>	2 447	52 415	2 886	6	2 348	60 107

Представленная в итоговых докладах динамика движения военнопленных не отражает точно первоначально приведенную статистику. Всего в Иркутскую область поступило 68 088 военнопленных, из них в лагерь — 63 900 военнопленных и остальные 4 188 — в отдельные рабочие батальоны Восточно-Сибирского военного округа. Военнопленные ликвидированного лагеря № 8 были переданы в лагерь № 31, а затем после отправки ослабленных и больных в Северную Корею в июне 1946 г. и передачи органам репатриации в апреле–мае 1947 г. остатки военнопленных лагеря № 31 в количестве 4 037 чел. были переданы в лагерь № 32. Таким образом можно предположить, что из 10 320 военнопленных лагерей № 8 и № 31 6 283 чел. были отправлены в Северную Корею, переданы органам репатриации и в спецгоспитали, а часть из них умерли. Если суммировать количество военнопленных, поступивших в лагерь № 32 и № 7, и прибавить поступивших к ним из ликвидированного лагеря № 31, то получается всего 57 617 чел. В итоговом же докладе по лагерям № 7 и № 32 отражено движение 60 107 военнопленных. Причем по лагерю № 7 военнопленных отражено динамикой движения 41 051, что на 2 065 чел. больше изначально поступивших в лагерь. Каких-либо данных о поступ-

лении новых партий заключенных с конца 1945 г. в итоговых документах не приводится. Очевидно, значительное количество военнопленных лагерей № 31 и № 8 на момент их ликвидации находилось в спецгоспиталях, и затем по мере выздоровления они распределялись в оставшиеся лагеря № 32 и № 7. Неясной остается также судьба отдельных рабочих батальонов, в которые были направленные 4 188 военнопленных японцев.

Подводя итоги пребывания военнопленных японцев в Иркутской области, необходимо отметить, что они внесли свой вклад в развитие производительного потенциала Иркутской области.

Военнопленные лагеря № 7 в числе других работников лагеря закончили строительство железной дороги Тайшет–Братск протяженностью 326 км со всеми необходимыми железнодорожными службами, телефонной связью, оборотным паровозным депо, вагоноремонтными мастерскими. В г. Тайшете ими был построен авторемонтный завод с пропускной способностью 30 автомашин в месяц. Ежегодно военнопленными заготавливалось и вывозилось 200 тыс. м³ леса.

В г. Черемхово военнопленные закончили строительство Ново-Гришевского угольного разреза с суточной добычей 5 тыс. т угля. Военнопленные, используемые на угольных шахтах Черемховского бассейна, ежегодно добывали порядка 100 тыс. т угля. Значительный вклад они внесли и в развитие жилищно-коммунального хозяйства г. Черемхово.

В г. Иркутске силами военнопленных было асфальтировано 150 тыс. м² улиц и тротуаров, реконструирована канализационная сеть центральной части города (канализационный коллектор по улицам Набережной Ангары и Франк-Каменецкого), построено два 32-квартирных и четыре 12-квартирных жилых домов, закончена и сдана в эксплуатацию первая очередь автосорочного завода. Их усилиями были возведены трамвайное депо, вагоноремонтные мастерские, уложены трамвайные рельсы на ул. Декабрьских событий (*Там же*).

В целом, подводя итоги пребывания японских военнопленных на территории Иркутской области, следует отметить, что любая война заканчивается пленением. В любом случае, это лучший исход для побежденных. Понятно и стремление применить трудовые возможности военнопленных в народном хозяйстве региона. Их трудовое использование в Иркутской области сдерживалось множеством нерешенных проблем, связанных с размещением и содержанием. Это стало одной из причин высокого уровня смертности среди японских военнопленных. Реакцией на данное обстоятельство стало достаточно оперативная по тем временам репатриация ослабленных и больных японских военнопленных. Оставшиеся военнопленные внесли весомый вклад в развитие народного хозяйства Иркутской области, особенно в строительство железной дороги Тайшет–Братск, добычу угля, заготовку и вывозку леса, а также развитие жилищно-коммунального хозяйства Иркутска и Черемхова.